

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Национальная идентичность
и взаимодействие культур)

К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2022 С.А. Симонова, А.Н. Аверюшкин

*Симонова Светлана Анатольевна, доктор философских наук,
профессор кафедры философии и гуманитарных наук*

E-mail: jour2@yandex.ru

*Аверюшкин Александр Николаевич, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных наук*

E-mail: peripatetics@yandex.ru

Московский государственный психолого-педагогический университет
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 20.06.2022

В процессе ретроспективного анализа культурных эпох можно наблюдать движение маятника культуры от эстетизма к морализаторству, и наоборот. Одним из первых критиков эстетизации был С. Кьеркегор, который, не отрицая значимость эстетического, в духовной иерархии помещал последнее ниже этического. Отечественные философы отстаивали необходимость синтеза этики и эстетики. Исследователи XX века указывают на тенденцию тотальной эстетизации, на трансформацию и деформацию базовых нравственных идеалов.

В современности актуализируется феномен эстетизации всех социальных сфер, в том числе, политики и экономики, что во многом обусловлено формированием «общества потребления», визуальным и цифровым поворотами в культуре. В статье анализируются основные черты постмодернизма, способствующие эстетизации: фрагментация, массовизация, клиповое сознание, визуальный поворот, утрата сакральности традиционных смыслов и символов. Все вышеуказанное способствует усилению эстетической составляющей и нарушению этико-эстетического баланса. Авторы выявляют, что абсолютизация красоты в искусстве приводит к деградации трагических жанров, базирующихся на этических коллизиях. Искусство способно воспитывать, формировать ценностную иерархию. Таким образом, искусство обладает преображающими человека возможностями, которые заключены в синтетической целостности этического и эстетического, следовательно, приобретает уже космологические параметры. В свою очередь, эстетизация как доминанта культуры приводит к нравственной ограниченности и разрушению духовной целостности человека и общества.

Ключевые слова: эстетизация, этико-эстетический синтез, культура, ценности, постмодернизм

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-73-77

Введение. Философ Г.П. Федотов, говоря о культуре начала XX в., ввел термин «вампиризм эстетики». Этот термин, на наш взгляд, применим и к современности. Важная черта нашего времени – дрейф в сторону преимущественно ««зрелищного» восприятия мира, возрастание роли массового искусства, ориентированного на «социально-эмпатический» тип отношений между людьми» [8, с. 6].

Сегодня можно вполне обоснованно говорить об эстетизации всех социальных сфер, даже экономики и политики. Причины этой эстетизации анализирует Р. Ратмайр, трактующий эстетизацию как «экономическую стратегию». Все большее пространство культуры включается в процесс эстетизации, что связано с развитием общества потребления, с виртуализацией реальности: «образцовый покупатель» в условиях рыночной

экономики покупает марку, упаковку, стиль жизни, а не просто продукт» [10, с. 266-267].

Метаиндустрия постмодернистского общества, по сути, основана на эстетизации. Маркетинг использует привлекательные образы традиционных культур, древние символы трансформируются в политических играх. Модифицируются в угоду политическим лидерам. «В искусстве происходит тиражирование накопленного эстетического опыта. Поэтому деятели искусства, прежде всего постмодернисты, стремятся придать формализованным, легко узнаваемым структурам новизну с помощью эффекта неожиданной смены акцентов, парадоксального перемещения этико-эстетических доминант» [12, с. 25]. Как следствие, усиливаются процессы эстетизации культуры.

История вопроса. Одним из первых критиков эстетизма в западной философии был С. Кьеркегор. Он утверждал, что «эстетика не может определить, в чем действительно состоит духовность» [6, с. 280]. Философ имел ввиду доминирующие в его время взгляды, связанные с определенным образом жизни и формирующие своеобразное эстетическое мировоззрение, которое, по мнению Кьеркегора, находится на более низкой ступени в иерархии духовных ценностей по сравнению с религиозным и этическим мировоззрением. С точки зрения философа, эстетик, по сути, является язычником, не понимающим всей трагичности своего бытия и подлинной сущности духовного. Философ не умаляет значения эстетического, однако отстаивает более высокую значимость нравственных оснований человеческого бытия. Поскольку религия базируется на этических постулатах, Кьеркегор отстаивает приоритет религиозного и нравственного над эстетическим. Впрочем, он стремится гармонизировать взаимосвязь этики и эстетики, признавая важность последней.

Отечественные представители мистического символизма, несмотря на попытки создания «эстетической этики», напротив, абсолютизируют эстетическое, несколько умаляя этическое начало.

Философы русского религиозного ренессанса – Вл. Соловьев, Н.Ф. Федоров и др. стоят на позициях этико-эстетического синтеза, отстаивая единство нравственного и эстетического в жизни и искусстве.

Проблема эстетизации культуры вновь актуализировалась в современности. Многие современные исследователи – В.В. Бибахин, В.Б. Мириманов, Ж. Маритен, О. Клеман – говорят об опасности эстетизации в современной культуре, о забвении нравственных идеалов и трансформации ценностей в «обществе потребления».

Методы исследования. В статье был использован метод компаративного анализа, поскольку для обоснования точки зрения авторов привлекались идеи различных философов, культурологов и представителей искусства. Также важен диалектический метод для рассмотрения процессов эстетизации культуры во взаимосвязи с политическими, социальными и экономическими процессами. Наконец, исторический ме-

тод использовался для понимания и анализа феномена эстетизации в контексте культурной динамики.

Результаты исследования. Общество потребления стремится видеть во всех проявлениях культуры «услуги»: «Среди предупредительного, изобильного благополучия человек в самом центре сегодняшней цивилизации витрины и экрана томится ностальгией по прошлому, когда, по воспоминаниям, задавали тон готовность рисковать жизнью ради чистой цели, отвага, воображение, идеализм» [1, с. 14].

Постмодернизм обладает характерными чертами. В его картине мира человек утрачивает онтологическую целостность, становясь эмпирически конкретным, как следствие этого, утрачивается важность нравственных измерений. Исследователь пишет: «Ценность человека определяется фактом его эмпирического существования, и демократия не считает себя вправе предъявлять ему дальнейшие – культурные – требования, вырабатывать в нем нормальное, нормативное «я». Фактичность и есть ценность, это данное, а не заданное, наличествующее, а не должествующее быть» [9, с. 6]. Такие установки приводят к деформации ценностной иерархии с ее полярными категориями «прекрасное-безобразное», «талантливое-бездарное».

Исследователь В.Б. Мириманов, при таком свободном отношении к творчеству и его критериям указывает на опасность нивелирования искусства как особой формы культуры: «Когда мы говорим о том, что границы, отделяющие искусство от неискусства, сегодня размыты, это означает, что мы имеем дело с лишенным структуры пространством. Исчезла – не только в физическом, но и теоретическом плане – граница, отделяющая художественное творчество от нехудожественного нетворчества» [7, с. 11-12]. Речь идет о том, что в современности становится проблематичным определение границ, отличающих собственно искусство, его отличия от других культурных феноменов.

Необходимо отметить, что искусство обладает своей духовной спецификой, которая не позволяет абсолютизировать прекрасное, поскольку последнее входит окончательно в культурный контекст только при его онтологическом взаимодействии с истиной и добром. Безусловно, нравственные категории не являются единственным основанием для возникновения и

существования искусства. Однако абсолютизация красоты таит в себе опасность некоего эстетического идолопоклонства, в действительности же, эстетические ценности реализуются в полной мере только при выходе в пространство этики: «нам понятно, что так называемый эстетизм, проведенный со всей беспощадной последовательностью, переходит в свой противоположный принцип – в принцип этический; содержание красоты, как только мы пытаемся ее оформить, оказывается связанным с этическим моментом; вернее: содержание морали и содержание красоты подчинены одной норме» [2, с. 25].

Признание эстетического как высшей цели искусства может привести к утрате ведущих жанров и категорий искусства. Прежде всего, эстетизация нивелирует трагическое как эстетическую категорию, поскольку любая трагедия взывает к этическим основаниям. Г.П. Федотов говорит о нравственности как форме творчества: «Отнимите этику и не останется ни одной трагедии – ни греческой, ни французской, ни Шекспира. Анна Каренина наполовину погибла для людей нашего времени, которым не понятна нравственная коллизия Анны» [13, с. 317]. Действительно, любое трагическое художественное произведение основано на нравственном конфликте, эстетические достоинства способны только усилить и углубить этические коллизии. Трагическое как эстетическая категория возможно только при включении в этику, в ее категории добра и зла, долга и ответственности.

Духовное бытие находится за гранью эстетического опыта, о чем пишет С.Л. Франк, говоря об антиномичности красоты: «Мы можем сказать – красота есть знак потенциальной гармонии бытия, залог *возможности, мыслимости* его актуальной, сполна осуществленной гармонии; и если бы мир был *насквозь* прекрасным, он был бы *насквозь* гармоничным, внутренне согласованным, чуждым трагического разлада и расколото-сти... красота есть только отблеск «рая» [14, с. 433]. Иначе говоря, красота не самодостаточна, этот факт составляет трагическое противоречие, прежде всего в душе подлинного художника, который изображает безнравственные, и даже бесчеловечные качества героев с большой художественной силой и талантом. В этом смысле искусство способствует преобразению человека, однако происходит это только при наличии общественных этических ценностей. Философ пишет: «Если зритель в какой-то степени не чувствителен, невосприимчив к этим нравственным

достоинствам и порокам, незрел, не в состоянии увидеть и оценить их, то от него ускользает не только мораль пьесы, но также и сама драматическая ситуация, напряжение, завязка драмы, а, следовательно, также ее перипетии, развязка – короче, все то, что, собственно, и составляет эстетическую ценность драматического» [3, с. 466].

Однако современникам бывает сложно определить ценность художественного произведения, еще и потому что оно не прошло испытания временем. Именно поэтому классическое искусство так важно для общества: благодаря ему постигаются и транслируются базовые ценности, практически не подверженные влиянию времени. Цифровое искусство может спровоцировать утрату этих ценностей, поскольку классические произведения в виртуальном пространстве трансформируются, бесконечно тиражируются и помещаются в бытовой контент с измененными смысловыми акцентами.

Современной культуре свойственна еще одна черта – сексуальная вседозволенность в многочисленных ее проявлениях, что приводит к десакрализации интимных чувств. Поль Рикер пишет: «Эротика начинает создавать свой вымышленный мир в промежутке, ограниченном, с одной стороны, гедонистическим разочарованием, с другой – истощенностью чувственности» [11, с. 231]. Современный человек не любит, он занимается любовью, он испытывает ощущения, но не сочувствует, что в конечном счете приводит к внутреннему опустошению и даже отчаянию. Массовая культура и искусство перенасыщены образами, взывающими к «основному инстинкту». Тема любви упрощается, обесценивается, деморализуется, расчеловечивается. П. Рикер обоснованно заключает: «сексуальность оказалась чем-то совсем близким, наличествующим и в то же время сведенным к простой биологической функции, к незначимой функции. Таким образом, предельная точка разрушения витально-космического священного стала и предельным моментом дегуманизации сексуальности» [11, с. 229].

Эта сексуальная раскрепощенность стала одной из движущих сил современной культуры. Однако красота, свободная от нравственных измерений, превращается в бессодержательную красоту. Что чревато культурной деградацией: «В пароксизме жизни красота-оргазм, к которой стремится наша цивилизация, неразрывно связана со смертью. Красота и добро раз-

делены: и взятое само по себе добро превращается в посредственность, а взятая отдельно красота ведет к безумию» [4, с. 38]. Подлинная красота всегда отнологически наполнена. Подлинная любовь также всегда связана с Танатосом [16].

В современности все больше размываются границы между автором и рецепиентом: «...сложилась ситуация, при которой любой человек, занимаясь абсолютно любым делом, может объявить себя художником, а свое совершенно произвольное занятие – искусством, и никто не сможет его опровергнуть» [5, с. 3]. В современном искусстве на первый план выходит «раскрученность», популярность автора, грамотный маркетинг, а красота часто становится самоцелью.

Отметим, что искусство обладает и психотерапевтическими свойствами: оно способствует уходу от унылой действительности, снятию стрессов, которыми так переполнена жизнь современного человека, это колоссальная сублимация нереализованных желаний, это и бегство от одиночества, хоть и достаточно иллюзорное. Но все вышеуказанное нельзя назвать духовной полноценностью, поскольку, в конечном счете, это отказ от реального бытия.

Выводы. В красоте заключаются и мощные духовные потенции, и одновременно – большая опасность, о чем пишет О. Клеман: «Красота за-

гадочна, и она, – единственная или почти единственная, – способна сегодня пробуждать людей. Раня душу, она делает ее уязвимой и для ада, и для рая» [4, с. 37]. Зло может быть покрыто красивой оболочкой, прельщать, очаровывать, а добро казаться неярким, незаметным, не актуальным.

Красота – лишь одна из ипостасей подлинной человеческой реальности, включающей в себя и нравственные, и гносеологические категории: «Подлинная красота открывается тогда, когда ты сумел подняться нравственно-волевым усилием на должную высоту. Красота и есть один из ликов подлинной жизни, как и добро, как и истина» [15, с. 55]. Добро, отделенное от прекрасного, превращается в морализаторство, ведет к скучному, посредственному существованию. Однако абсолютизированная красота ведет к утрате человечности и дегуманизации культуры в целом.

Преображающая роль искусства заключается именно в его синтетическом потенциале, в тесном взаимодействии этического и эстетического. Это, по сути, универсальные возможности искусства, которое способно, в высших своих проявлениях, преодолеть границы художественной картины мира, воздействовать на реальность и изменять ее.

Абсолютизация красоты, так же, как добра или истины, приводит к деформации духовного ядра культуры.

1. Бибихин, В. В. Новый ренессанс. – М.: Наука, Прогресс-Традиция, 1998. – 496 с.
2. Белый, А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 525 с.
3. Гартман, Н. А. Эстетика. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 240 с.
4. Клеман, О. Отблески света: Православное богословие красоты. – М.: библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2004. – 94 с.
5. Крылов, В. Л. Убить искусство: От Малевича и Пикассо до Глазунова и концептуалистов. – М.: Астрей, 2005. – С. 3.
6. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – С. 280.
7. Мириманов, В. Б. Изображение и стиль: Специфика постмодерна. Стилистика 1950-1990-х. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 80 с. – С.11-12.
8. Назаров, В.Н. История русской этики. – М.: Гардарики, 2006. – 319 с.
9. Пармонов, Б.М. Конец стиля. – М.: Аграф, 1999. – 464 с.
10. Ратмайр, Р. Текстовое пространство упаковки пищевых продуктов: Эстетический аспект // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – 720 с.
11. Рикер, П. История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 399 с.
12. Симонова, С. А. К вопросу о смыслах «актуального» искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2008. - № 5. – С. 25-28.
13. Федотов, Г. П. В защиту этики // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т.2: Статьи 1920-30-х гг. – М.: Мартис, 1998. – 378 с.
14. Франк, С. Л. Непостижимое // Франк С.Л. Соч. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
15. Шердаков, В. Н. Добро-истина-красота. – М.: Знание, 1983. – 64 с.
16. Dudareva, M. A., Morozova, S. M., Smirnova S.V., Avakova O.V. The figures of thanatos and eros in A.S. Pushkin's poetics // Amazonia Investiga. – 2019. – Vol. 8, no. 20. – P. 410-414.

TO THE QUESTION OF THE AESTHETICIZATION OF MODERN CULTURE

© 2022 S.A. Simonova, A.N. Averyushkin

*Svetlana A. Simonova, Doctor of Philosophical Science, Professor
of the Department of Philosophy and Humanities*

E-mail: jour2@yandex.ru

*Alexander N. Averyushkin, candidate of Philosophical Sciences Associate Professor
of the Department of Philosophy and Humanities*

E-mail: peripatetics@yandex.ru

Moscow State University of Psychology & Education (MSUPE)
Moscow, Russia

In the process of retrospective analysis of cultural epochs, one can observe the movement of the pendulum of culture from aestheticism to moralizing, and vice versa. One of the first critics of aestheticization was S. Kierkegaard, who, without denying the significance of the aesthetic, placed the latter below the ethical in the spiritual hierarchy. Domestic philosophers defended the need for a synthesis of ethics and aesthetics. Researchers of the twentieth century point to the trend of total aestheticization, the transformation and deformation of basic moral ideals. In modern times, the phenomenon of aestheticization of all social spheres, including politics and economics, is being updated, which is largely due to the formation of a «consumer society», visual and digital turns in culture. The article analyzes the main features of postmodernism that contribute to aestheticization: fragmentation, massification, clip consciousness, visual turn, loss of sacredness of traditional meanings and symbols. All of the above contributes to the strengthening of the aesthetic component and the violation of the ethical and aesthetic balance. The authors reveal that the absolutization of beauty in art leads to the degradation of tragic genres based on ethical conflicts. Art is able to educate, form a value hierarchy. Thus, art has possibilities that transform a person, which are contained in the synthetic integrity of the ethical and aesthetic, therefore, it already acquires cosmological parameters. In turn, aestheticization as the dominant of culture leads to moral limitations and the destruction of the spiritual integrity of man and society.

Key words: aestheticization, ethical and aesthetic synthesis, culture, values, postmodernism

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-73-77

1. Bibikhin, V. V. *Novyy renessans (The new renaissance)*. – M.: Nauka, Progress-Traditsiya, 1998. – 496 s.
2. Belyy, A. *Simvolizm kak miroponimaniye (Symbolism as a worldview)*. – M.: Respublika, 1994. – 525 s.
3. Gartman, N. A. *Estetika (Aesthetics)*. – Kiyev: Nika-Tsentr, 2004. – 240 s.
4. Kleman, O. *Otbleski sveta: Pravoslavnoye bogosloviye krasoty (Reflections of Light: Orthodox Theology of Beauty)*. – M.: bibleysko-bogoslovskiy in-t sv. apostola Andrey, 2004. – 94 s.
5. Krylov, V. L. *Ubit' iskusstvo: Ot Malevicha i Pikasso do Glazunova i kontseptualistov (Killing Art: From Malevich and Picasso to Glazunov and the Conceptualists)*. – M.: Astreya, 2005. – P. 3.
6. K'yerkegor, S. *Strakh i trepet (Fear and Trembling) / S. K'yerkegor*. – M.: Respublika, 1993. – S. 280.
7. Mirimanov, V. B. *Izobrazheniye i stil': Spetsifika postmoderna. Stilistika 1950-1990-kh (Image and style: The specifics of postmodernity. Stylistics of the 1950s-1990s.)*. – M.: Rossiysk. gos. gumanit. un-t, 1998. – 80 s. - S.11-12.
8. Nazarov, V.N. *Istoriya russkoy etiki (History of Russian ethics)*. – M.: Gardariki, 2006. – 319 s.
9. Paramonov, B.M. *Konets stilya (End of style)*. – M.: Agraf, 1999. – 464 s.
10. Ratmayr, R. *Tekstovoye prostranstvo upakovki pishchevykh produktov: Esteticheskiy aspekt (Text space of food packaging: Aesthetic aspect) // Logicheskiy analiz yazyka. YAzyki estetiki: Kontseptual'nyye polya prekrasnogo i bezobraznogo*. – M.: Indrik, 2004. – 720 s.
11. Riker, P. *Istoriya i istina (History and truth)*. – SPb.: Aleteyya, 2002. – 399 s.
12. Simonova, S. A. *K voprosu o smyslakh «aktual'nogo» iskusstva (On the question of the meanings of "actual" art) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo uni-versiteta kul'tury i iskusstv*. – 2008. - № 5. – S. 25-28.
13. Fedotov, G. P. *V zashchitu etiki (In defense of ethics) // Fedotov G.P. Sobraniye sochineniy v 12 t. T.2: Stat'i 1920-30-kh gg*. – M.: Martis, 1998. – 378 s.
14. Frank, S. L. *Nepostizhimoye (Incomprehensible) // Frank S.L. Soch.* – M.: Pravda, 1990. – 608 s.
15. Sherdakov, V. N. *Dobro-istina-krasota (Good-truth-Beauty)*. – M.: Znaniye, 1983. – 64 s.
16. Dudareva, M. A., Morozova, S. M., Smirnova S.V., Avakova O.V. *The figures of thanatos and eros in A.S. Pushkin's poetics // Amazonia Investiga*. – 2019. – Vol. 8, no. 20. – P. 410–414.